

Заканчивается год, осенний именем гениально-го русского поэта Г. Р. Державина, чей юбилей внесен в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО.

Нам лестно, что автор прославленных од «Бог», «Фелица» всю жизнь считал себя оренбуржцем, и, естественно, нам дорого всякое соприкосновение «патриарха русской поэзии» с нашим краем.

Служил Гаврила Романович на высоких государственных постах в столице и потому свою слишком отдаленную от Петербурга оренбургскую вотчину навещал лишь несколько раз: в 1774 году, когда «был послан с секретным наставлением о наблюдении за самими войсками, идущими для очищения Самарской линии», и в 1784 году, когда «поехал он в оренбургскую свою деревню, дабы показать ее жене своей...пожив в ней не более трех дней».

Длительное пребывание в степном имении Гаврила Романович планировал осуществить в 1796 году, с начала зимы и на все лето. Для зимнего выезда делал солидные приготовления, вел переписку с земляками о летнем транспорте, пока не придут его кареты водным путем по Самаре. Еще в ноябре 1795 года он обращался к Д. В. Мертваго: «...попроси, мой друг, Николая Ивановича Тимашева...не одолжит ли на короткое время четверместную карету, а особливо линейкою еще бы лучше, которые нужно еще по зимнему пути доставить ко мне в деревню».

Считая себя оренбурж-

К 250-летию Оренбургской губернии

# ДЕРЖАВИН И ТИМАШЕВЫ

цем, Гаврила Романович всю свою долгую жизнь поддерживал тесные связи с земляками. Самыми длительными эти связи были, без малейшего преувеличения, с уже упомянутым семейством Тимашевых. Интересна эволюция содержания их эпистолярных отношений. Смолоду в их переписке преобладают прозаические темы и вопросы - взаимные просьбы о различных одолжениях вроде справок на имение, продажу лошадей подешевле, покупку земли или, как видели ранее, одолжение кареты. А вот в конце жизни литературные интересы в письмах земляков перемещаются на первый план.

В фамильной переписке Тимашевых первые упоминания имени Державина относятся к началу 80-х годов позапрошлого века. Иван Лаврентьевич Тимашев, губернский предводитель дворянства, в письмах 1783 года сыну своему Николаю Ивановичу, губернскому прокурору (несколькими годами моложе Державина), неоднократно советует стараться «услужить сему приятелю и благодетелю», подсказывает, как это сделать лучше, и сам не устранился от хлопот. Помогал, по всей видимости, неоднократно и Державин землякам.

В течение нескольких лет Тимашевы хлопотали о приращивании державинского землевладения. Да и как было не прилагать уси-

лий, получая от благодетеля одно за другим умоляющие письма вроде того, что датировано 28 октября 1786 года: «Милостивый государь мой Николай Иванович. По приязни вашей ко мне, как безотвязный нищий просит милостыню, прошу еще всепокорнейше о покупке у башкир земли, прикосновенной к деревне моей. Тысячу миллионов раз из глубины сердечной вопию: сотвори милость и купи, ради Христа, сию землю...»

Автор этого художественного послания, не без умысленного уничижения писанного, был уже тамбовским губернатором. До степных же земляков доходили слухи о его возможном назначении в Оренбург. В пространным и интересном по содержанию письме от 18 июня 1786 года (за этот год сохранилось наибольшее количество писем) Н. И. Тимашев, рассказывая об оренбургских новостях в связи с переменной правления в «меньшей киргизской орде», повторяет свое поздравление Державину «о перемещении в Тамбов» и делится следующими предположениями: «Сие приближение подает мне надежду, что впоследствии будете начальником и в нашем краю; а как слух носится, что будет из оренбургской области наместничество, то кому лучше тут быть губернатором, как не тому, кто пел славу кир-

гиз-кайсацкия Фелицы...» Но вопреки ожиданиям оренбуржцев «по отлучении от тамбовского губернаторства» Державин в Оренбург не попал: Екатерина II определила одописца в свои статс-секретари.

Далеко не все письма из замечательного эпистолярного наследия дошли до нас, но по сохранившемуся можно судить, что переписка продолжалась чуть ли не до последнего года жизни поэта. Пережив лицемерие Екатерины II и взбалмошность Павла I, 60-летний Державин окончательно устранился от дел при Благословенном. В переписке земляков наступала пауза длиной в восемь надцать лет. Прервал ее Н. И. Тимашев самым «литературным» из своих писем. Донельзя экзотично звучит начало этого во многих отношениях замечательного письма от 11 декабря 1812 года к 69-летнему Державину: «Почтеннейшему мурзе, певцу Фелицы, моему древле великому благодетелю, живущий под хребтом Уральских гор осьмиродец башкирец здравия желает. Давно уже и весьма давно отлучился от вас, а что всего прискорбнее, забвен стал вами. В течение осьмнадцати лет много претерпел горестей: лишился жены и сына и всех моих любящих, со мною кочующих. Постарел, стал немощен и нахожусь утеху, слушающая сказки о башкирских батырах, из коих одну ве-

дел написать собственному моему грамотею, а он, написав, поднес ее мне... посылаю вам, моему благодетелю: прочтите и посмейтесь обще с осьмиродцами и напомните всегда вам преданного покорнейшего слугу Николая Тимашева».

Это письмо оренбургского корреспондента Г. Р. Державина - теперь неотъемлемое приложение к первому в истории башкирской литературы печатному произведению на основе народного эпоса - повести «Куз-Курпач». Повесть была написана Т. С. Беляевым, дворовым человеком Н. И. Тимашева, и стараниями оренбургского помещика в 1812 году напечатана в Казани. Вышеприведенное письмо его стало знаменитым, прочно вошло в литературоведческий оборот, десятки раз цитировалось и толковалось в различного рода публикациях, стало предметом многих научных исследований.

Из переписки последних лет жизни Державина известны только два письма к нему Н. И. Тимашева. Оба они относятся к военному 1814 году. В первом из них от 4 марта «сын осьмиродца» благодарит поэта за милостивое письмо и сообщает: «...приложенную при оном 11 книжку любителей словесности и листочек вашего произведения со всепокорнейшею благодарностью получить удостоился». Прося далее сообщить,

кому переслать деньги за этот журнал на весь год, Тимашев заканчивает письмо грустными вестями: «Перо курайчи моего притупилось, он лишился господина, которого был пестуном, а я сына своего Василия, он убит под Лейпцигом, а о третьем, Егоре, служащем в Сумском гусарском полку, восемь месяцев известия не имею. Положение мое грустно, но так Богу угодно. С глубочайшим высокопочтением и совершенной приверженностью пока жив пребуду, милостивый государь! Покорный слуга Ваш Николай Тимашев».

В последнем своем письме от 29 мая 1814 года Тимашев вновь благодарит поэта за милостивый подарок - «Достохвальную песнь свыше благословенному»: «Я уже доносил вам, - пишет ташлинский помещик, - что ее читал и удивлялся и вновь буду читать и удивляться яко псаломпевцу наших дней».

В 1816 году, в последний год жизни, Г. Р. Державин поддержал издание книги своих стихов под названием «Лира Державина» в пользу казанцев, пострадавших от пожара. В Оренбурге одним из первых подписчиков на это благотворительное издание значился Николай Иванович Тимашев.

Итак, 30-летняя переписка «отца русских поэтов» с оренбургскими земляками - еще одна великолепная страница в летописи их литературных связей, хотя этим полнотой их «сближения» не исчерпываются.

С. СОРОКИНА,  
краевед.